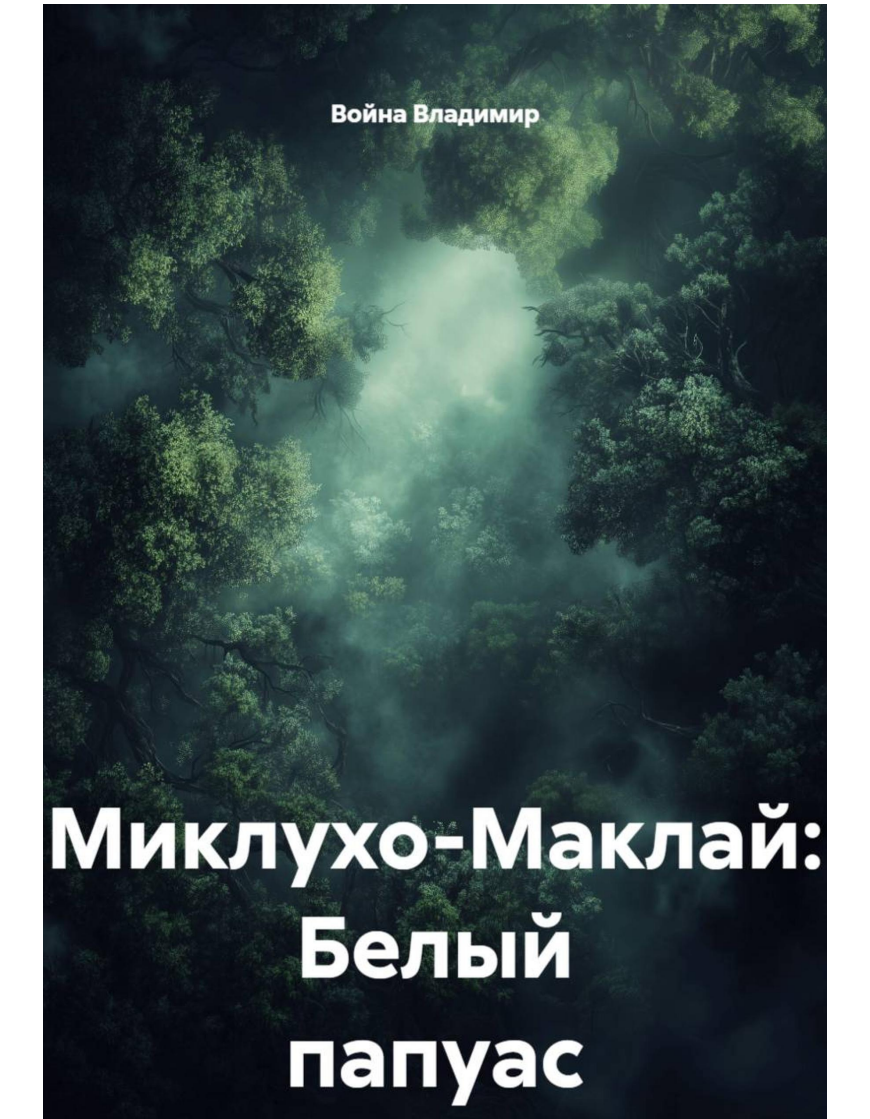

Война Владимир

Миклухо-Маклай: Белый папуас

Война Владимир Миклухо-Маклай: Белый папуас

<https://litres.ru/74421284>

SelfPub; 2026

Аннотация

Николай Николаевич Миклухо-Маклай — имя, известное каждому с детства. Он был путешественником, этнографом, антропологом и гуманистом. Этот человек отправился на Новую Гвинею без оружия и охраны, к людям, которых европейцы считали "дикарями" и "каннибалами". Он доказал, что все люди равны, и нет высших и низших рас.

Эта книга — не обычная биография. Это захватывающая история о человеке, который опередил свое время. О мальчике из бедной дворянской семьи, потерявшем отца в раннем возрасте.

Читатель пройдет с героем через множество испытаний: от петербургских гимназических коридоров до тропических лесов Океании, от кабинетов Русского географического общества до бамбуковой хижины на Берегу Маклая. Он узнает о дружбе Миклухо-Маклая с папуасом Туем, о его борьбе с охотниками за рабами, о мечте создать "Папуасский союз", которая не сбылась из-за цинизма политики, о его поздней любви к австралийской девушке Маргарет и о трагической смерти в 41 год.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Война Владимир Миклухо-Маклай: Белый папуас

Глава

Вступление

Человек с Луны

В истории человечества есть имена, которые со временем перестают принадлежать только науке или только одной стране. Они превращаются в символы, в нравственные ориентиры, в легенды, за которыми порой теряется живой человек. К таким именам, без сомнения, относится имя Николая Николаевича Миклухо-Маклая.

Для русского читателя это имя знакомо с детства — оно звучит в школьных учебниках, его носят улицы и научные институты, оно вписано в географические карты. Но за привычным портретом путешественника в пробковом шлеме, за хрестоматийным образом «защитника папуасов» скрывается фигура куда более сложная, трагическая и удивительная, чем принято считать.

Он прожил всего сорок один год. За этот короткий срок он успел пересечь океаны, оставить след в мировой науке,

бросить вызов расовым теориям своей эпохи, построить дом на берегу, куда не ступала нога европейца, и — что, возможно, самое важное — доказать на собственном опыте: между людьми разных культур, рас и мировоззрений возможен диалог, основанный на уважении и доверии.

Родившись в небогатой дворянской семье, рано потеряв отца, исключенный из Петербургского университета за вольнодумство, он не сломался, а нашел свой путь — через немецкие университеты, через первые экспедиции, через рискованные путешествия по Аравии и Африке — к главному делу своей жизни, к Новой Гвинее.

Когда в сентябре 1871 года двадцатипятилетний натуралист высадился на пустынном берегу залива Астролябия, он сделал то, на что до него не решался ни один европеец. Он не пришел с оружием, не пришел с отрядом солдат, не пришел с товарами для торговли. Он пришел один, с небольшим запасом провизии, научными приборами и твердым убеждением: люди, которых его современники называли «дикарями» и «каннибалами», — такие же люди, как он сам.

Папуасы, никогда не видевшие белого человека, встретили его стрелами и копьями. Они не знали, кто он, откуда явился и зачем. Единственное объяснение, которое они могли предложить, было простым и величественным: он пришел с Луны. Так Миклухо-Маклай получил имя, которое навсегда осталось с ним в истории, — «Человек с Луны».

Но эта книга — не только о путешествиях и приключении-

ях. Это книга о человеке, который осмелился мыслить иначе, чем его эпоха. В то время, когда европейская наука спорила о том, являются ли «цветные расы» переходным звеном между обезьяной и белым человеком, Миклухо-Маклай на практике, годами живя среди папуасов, доказывал: все люди равны, все человечество — единый вид, а различия между народами — лишь результат истории, географии и культуры.

Это книга о трагедии идеалиста. Миклухо-Маклай мечтал создать на Новой Гвинее «этнографический заповедник» — территорию, свободную от колониального грабежа, от работорговли, от насилия. Он писал письма российским императорам, британским министрам, германскому канцлеру Бисмарку — умоляя, убеждая, требуя. И он проиграл. Империи не услышали голос одинокого ученого. В 1884 году Берег Маклая был разделен между Германией и Великобританией, и мечта о независимом папуасском союзе погибла.

Это книга о цене научного подвижничества. Годы, проведенные в тропиках, разрушили здоровье Миклухо-Маклая. Малярия, лихорадка, невралгия преследовали его до конца жизни. Он умер в сорок один год, в петербургской больнице, почти в нищете, не успев завершить публикацию своих трудов. Из ста шестидесяти научных работ, которые он оставил миру, большинство при его жизни увидело свет на немецком и английском языках. Русские читатели получили его дневники лишь после смерти.

И наконец, это книга о том, как рождается легенда. О том,

как скромный исследователь, не имевший ни богатства, ни титулов, ни могущественных покровителей, стал одним из самых известных русских ученых-гуманистов. О том, почему его день рождения — 17 июля — неофициально отмечается в России как профессиональный праздник этнографов. О том, почему в далеких деревнях на берегу Новой Гвинеи до сих пор рассказывают истории о «Маклае», который пришел с Луны, чтобы научить людей жить в мире.

Эта книга написана на основе открытых источников — прежде всего фундаментальных энциклопедий и исследований, доступных каждому. Ее цель — не открыть новые факты, а собрать воедино уже известное, выстроить из разрозненных сведений целостный портрет человека, который определил свое время.

Николай Николаевич Миклухо-Маклай не был святым. Он был человеком своего века — со своими слабостями, противоречиями, ошибками. Но он сделал главное: он показал, что человечность не знает границ, а наука не имеет права быть служанкой предрассудков. И в этом его урок, который не устареет никогда.

Мы начинаем эту историю с самого начала — с маленького села на Новгородчине, с семьи, которая не была знатной и богатой, но дала миру одного из самых необыкновенных людей русской науки. Итак, глава первая — о корнях, о тайне фамилии и о том, как рождается характер.

Глава 1. Фамилия с секретом

Всякая биография начинается с имени. Имя — это первый дар, который человек получает от своих родителей, и первая загадка, которую он должен разгадать в течение жизни. Для героя этой книги имя стало не просто обозначением личности, а настоящим ребусом, который историки разгадывают до сих пор.

Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Двойная фамилия, звучащая так, словно принадлежит персонажу приключенческого романа. В ней слышится что-то шотландское, баронское, романтическое. И действительно, современники часто принимали путешественника за иностранца — в британской прессе его именовали не иначе как «барон Маклай». Но откуда взялась эта вторая часть фамилии? Была ли она родовой, унаследованной от предков, или стала результатом сознательного выбора самого ученого?

Чтобы ответить на этот вопрос, придется отправиться в середину XIX века, в Новгородскую губернию, и познакомиться с семьей, из которой вышел будущий исследователь Новой Гвинеи.

Малороссийские корни и шотландская легенда

Фамилия Миклуха — малороссийского, то есть украинского происхождения. Она образована от уменьшительной формы имени Николай — Микола, Миклуха. Так что в буквальном переводе «Миклуха» означает не что иное, как «Николаев сын» или «Николаевич». Фамилия эта была распространена в южных губерниях Российской империи, и ничего

аристократического в ней не было.

Семья Миклух принадлежала к тем слоям российского общества, которые принято называть трудовой интеллигенцией. Прадед путешественника, Степан Миклуха, был казаком в Черниговской губернии. Дед, Илья Степанович, дослужился до чина, позволившего ему получить личное дворянство. Отец, Николай Ильич, уже был человеком вполне образованным — инженером-путейцем, выпускником одного из лучших технических учебных заведений страны.

Семья гордилась своим происхождением, но гордость эта была особого рода — не древностью рода, а честностью службы и трудолюбием. Никаких шотландских предков в семейных документах не значилось. Однако легенда о шотландском наемнике Микаэле Маклае, якобы попавшем в Россию при Петре Великом и породнившемся с украинской семьей, упорно жила в семейных преданиях. Была ли она правдой или красивой выдумкой — установить уже невозможно. Сам Николай Николаевич, став взрослым, относился к этой легенде с любопытством, но без особого доверия.

Рождение в Языкове: две версии одного события

5 июля 1846 года по старому стилю (17 июля по новому) в семье инженера Николая Ильича Миклухи и его жены Екатерины Семёновны родился второй сын. Назвали его Николаем — в честь отца, как это было принято в русских семьях.

Место рождения будущего путешественника — вопрос, который до сих пор вызывает споры у краеведов. Одни ис-

точники называют село Языково Боровичского уезда Новгородской губернии, другие — соседнее село Рождественское. Путаница объясняется просто: семья в тот момент жила на съемной квартире, и метрическая запись могла быть сделана в церкви соседнего села, а крестины — в другой. Для нас же важнее не точный адрес, а контекст: Николай Ильич в это время руководил строительством одного из самых сложных участков Николаевской железной дороги — той самой, что должна была связать Петербург и Москву.

Отец: человек, опередивший время

Николай Ильич Миклуха был человеком замечательным во многих отношениях. Родился он в 1818 году, получил образование в Институте корпуса инженеров путей сообщения — учебном заведении, которое готовило техническую элиту Российской империи. Строительство железных дорог в те годы было делом новым, рискованным и требовавшим не только инженерных знаний, но и огромной силы характера.

Участок, которым руководил Николай Ильич, проходил через Валдайскую возвышенность — местность с тяжелым рельефом, болотами и реками. Работать приходилось в сложнейших условиях, с подрядчиками, привыкшими к казнокрадству, с рабочими, набранными из окрестных деревень, с постоянной нехваткой средств и материалов. Но Николай Ильич был из тех людей, которые не отступают перед трудностями.

Он не только строил дорогу, но и заботился о рабочих —

устроивал для них школы, больницы, добивался справедливой оплаты труда.

Современники вспоминали его как человека редкой честности и доброты. В семье он был любящим мужем и отцом, находившим время для детей, несмотря на постоянные разъезды. Именно от него, по-видимому, Николай Николаевич унаследовал ту особую нравственную твердость, которая позже позволит ему годами жить среди людей, не знающих европейской цивилизации, и при этом сохранять верность своим принципам.

Мать: подвиг Екатерины Семёновны

Екатерина Семёновна Беккер происходила из семьи с немецкими корнями. Ее отец, Семён Беккер, был героем Отечественной войны 1812 года, человеком храбрым и уважаемым. От него дочь унаследовала твердость характера и чувство собственного достоинства.

Брак Екатерины Семёновны и Николая Ильича был, судя по всему, счастливым. В семье родилось пятеро детей — четыре сына и дочь. Жизнь была небогатой, но достойной: жалованье инженера-путейца позволяло содержать дом, держать прислугу и давать детям хорошее домашнее образование.

Но в 1857 году произошла трагедия, изменившая все. Николай Ильич умер от туберкулеза — болезни, которая в те годы уносила тысячи жизней. Ему было всего тридцать девять лет. Екатерина Семёновна осталась вдовой с пятью детьми

на руках. Старшему сыну Сергею было двенадцать, младшей дочери Ольге — два года. Николаю, нашему герою, шел одиннадцатый год.

Пенсии вдове инженера не полагалось. Сбережений не было. Семья оказалась на грани нищеты. И вот тут проявился характер Екатерины Семёновны — тот самый характер, который впоследствии спасет ее сына в самых отчаянных ситуациях. Она не стала жаловаться, не стала просить милостыню. Она вспомнила все, чему училась в юности, и начала зарабатывать на жизнь черчением карт — работой кропотливой, требовавшей точности и усидчивости, но оплачивавшейся более чем скромно.

Дети, насколько могли, помогали матери. Николай, мальчик впечатлительный и нервный, тяжело переживал смерть отца. Позже он признается, что именно в эти годы сформировались его представления о справедливости, о том, как несправедливо устроен мир и как важно помогать тем, кто слабее.

Причисление к дворянству

Для того чтобы дети могли учиться в гимназии, требовалось подтверждение дворянского звания. У семьи Миклух были права на потомственное дворянство по чину отца, но документы требовалось привести в порядок. Екатерина Семёновна взялась за это дело с той же энергией, с какой делала все остальное.

Она обивала пороги присутственных мест, писала проше-

ния, собирала справки. Ей удалось добиться причисления детей к потомственному дворянству Петербургской губернии. Это открывало Николаю дорогу к образованию — сначала гимназия, потом университет. Стоит задуматься: если бы не упорство матери, мир, возможно, никогда не узнал бы о Миклухо-Маклае.

Тайна второй части фамилии

И все же остается вопрос: откуда взялась приставка «Маклай»?

Документы не дают однозначного ответа. В метрических книгах и дворянских списках семья значится как «Миклуха». Никаких следов шотландских предков архивистам обнаружить не удалось. Зато известно другое: в 1864 году, поступив в Гейдельбергский университет в Германии, девятнадцатилетний Николай впервые подписался как N. von Macalay. Он сознательно изменил фамилию, придав ей иностранное звучание.

Зачем? Версий несколько. Сам он впоследствии объяснял это семейным преданием о шотландском предке. Возможно, впрочем, что мотивы были более прагматическими: в Европе немецкая или английская фамилия открывала больше дверей, чем русская. Молодой студент из далекой России, исключенный из Петербургского университета, мог рассчитывать на более благожелательный прием, представляясь «бароном фон Маклаем».

Как бы то ни было, выбор был сделан. С 1864 года Нико-

лай Миклуха превращается в Николая Маклая. Позже, уже став известным, он будет использовать двойную фамилию — Миклухо-Маклай, соединив родовое имя и избранное.

Любопытно, что на Берегу Новой Гвинеи папуасы, не знавшие европейских языков, произносили его имя на свой лад — «Маклай». Так он и вошел в их легенды.

Семья, из которой вырастают путешественники

Оглядываясь назад, на детство и юность Николая Николаевича, трудно не заметить: из такой семьи могли выйти и выходили разные люди. Старший брат Сергей стал юристом, младшие братья выбрали свои пути. Но именно Николай впитал от родителей то сочетание качеств, которое позже сделает его Миклухо-Маклаем.

От отца — инженерную точность мышления, способность к систематическому труду, умение строить и обустривать жизнь в любых условиях. От матери — стойкость перед лицом бедности и несправедливости, веру в образование, готовность жертвовать собой ради детей.

А еще от обоих — то, что не передается по наследству, но воспитывается примером: чувство чести, которое не позволяет унижать другого человека, кем бы он ни был.

Впереди у нашего героя были гимназия, университет, исключение, эмиграция — и вся жизнь, полная невероятных приключений. Но фундамент этой жизни был заложен здесь, в бедной дворянской семье, в маленьком селе на Новгородчине, где 17 июля 1846 года родился мальчик, которому

предстояло стать «Человеком с Луны».

Глава 2. Отец-мостостроитель и мать-картограф

История семьи — это всегда история эпохи. В судьбах родителей Николая Николаевича Миклухо-Маклая, как в капле воды, отразилась вся Россия середины XIX века: время великих строек, технического прорыва, общественных надежд и семейных трагедий. Чтобы понять, каким человеком вырос будущий путешественник, нужно внимательно взглянуться в тех, кто дал ему жизнь.

Инженер новой формации

Николай Ильич Миклуха родился в 1818 году — в год, когда Россия еще только начинала осознавать себя железнодорожной державой. Первая в стране Царскосельская железная дорога будет открыта через девятнадцать лет, а пока страна передвигалась по грунтовым трактам и водным путям. Тем удивительнее был выбор профессии, которую сделал отец нашего героя.

Он поступил в Институт корпуса инженеров путей сообщения — одно из самых престижных и самых трудных учебных заведений Российской империи. Это была кузница технической элиты, где готовили людей, способных решать задачи государственного масштаба. Учиться там было непросто: строгая дисциплина, сложнейшие математические и инженерные дисциплины, постоянные экзамены. Но Николай Ильич преодолел все трудности и вышел из института с дипломом, открывавшим дорогу в большую жизнь.

Великая стройка

Главным делом жизни Николая Ильича Миклухи стало строительство Николаевской железной дороги — магистрали, соединившей Петербург и Москву. Это был один из самых грандиозных проектов своего времени, сопоставимый по масштабу с петровскими преобразованиями. Дорога протяженностью более шестисот верст должна была пройти через леса, болота, холмы Валдайской возвышенности и десятки рек.

Николаю Ильичу достался один из самых сложных участков — тот, что проходил через Валдайские высоты. Рельеф здесь был коварен: крутые подъемы, глубокие овраги, топкие низины. Чтобы проложить путь, требовались мосты, насыпи, выемки — сложнейшие инженерные сооружения, строить которые приходилось в условиях нехватки техники и квалифицированных рабочих.

Трудности усугублялись человеческим фактором. Подрядчики, привыкшие к казенным заказам, нередко воровали материалы и затягивали сроки. Рабочие, набранные из окрестных деревень, не имели ни опыта, ни дисциплины. Инженеру приходилось быть не только строителем, но и управленцем, дипломатом, а порой и следователем, расследующим хищения.

Сохранились воспоминания современников о Николае Ильиче как о человеке исключительной честности. В эпоху, когда казнокрадство на стройках считалось едва ли не нор-

мой, он оставался неподкупным. Это стоило ему карьерных продвижений и наживало врагов, но он не менял своих принципов. Такая позиция не могла не сказаться и на детях, наблюдавших за отцом.

Забота о людях

Есть в биографии Николая Ильича черта, которая особенно важна для понимания его сына. Он не просто строил дорогу — он заботился о людях, которые на ней работали. По его инициативе при строительных участках устраивались школы для детей рабочих, больницы, бани. Он добивался, чтобы рабочие получали справедливую плату и жили в нормальных условиях.

Это было удивительно для того времени. Крепостное право еще не было отменено, и большинство помещиков относились к простому народу как к рабочему скоту. А инженер Миклуха видел в рабочих людей, достойных уважения и заботы. Эта отцовская установка глубоко запала в душу Николая Николаевича. Позже, оказавшись на Новой Гвинее, он будет относиться к папуасам — людям, которых европейцы считали «дикарями», — с тем же уважением, с каким его отец относился к русским крестьянам на железной дороге.

Семейный быт

Семья Миклух жила скромно, но достойно. Жалованье инженера путей сообщения позволяло содержать дом, нанимать прислугу, давать детям начальное домашнее образование. Екатерина Семёновна занималась детьми сама: учила их

немецкому и французскому языкам, чтению, письму, арифметике. Николай Ильич, когда бывал дома, много рассказывал детям о своей работе — о мостах, о реках, о холмах, о том, как человек может преодолевать пространство.

Дети обожали отца. Для маленького Николая он был героем — сильным, умным, справедливым. Мальчик прислушивался к разговорам взрослых о строительстве, о технике, о государственных делах. Возможно, именно тогда, в детстве, зародился в нем интерес к дальним странам и путешествиям: ведь отец постоянно был в разъездах, и сам образ жизни семьи был связан с дорогой.

Смерть кормильца

Бедка пришла неожиданно. В 1857 году Николаю Ильичу было всего тридцать девять лет — возраст расцвета сил. Но тяжелый труд, постоянные стрессы, жизнь в сырых бараках на стройках подорвали его здоровье. У него начался туберкулез — болезнь, которую тогда лечить не умели. Лучшие врачи Петербурга разводили руками. Поездка на юг, в более теплый климат, не помогла.

Николай Ильич умер, оставив жену с пятью детьми на руках. Старшему сыну Сергею было двенадцать лет, Николаю — одиннадцать, младшей дочери Ольге — всего два года. Для семьи это был не только эмоциональный удар, но и финансовая катастрофа: вдова инженера не имела права на пенсию, сбережений практически не было.

Смерть отца стала для Николая одной из самых тяжелых

травм в жизни. Мальчик замкнулся, стал нервным, впечатлительным. Позже он признавался, что именно тогда впервые задумался о несправедливости мироустройства: почему хорошие люди умирают молодыми, почему честность не приносит богатства, почему дети остаются сиротами.

Подвиг матери

Екатерина Семёновна осталась одна. Ей было чуть больше сорока лет. Дворянское звание не давало средств к существованию, а работать женщине из благородной семьи считалось неприличным. Но Екатерина Семёновна была не из тех, кто сдаётся.

Она вспомнила навыки, полученные в юности, — черчение. В те годы карты чертились вручную, и квалифицированные чертежники были в дефиците. Работа была тяжелой: требовалась точность, терпение, долгие часы корпения над листом бумаги. Платили за нее немного, но Екатерина Семёновна бралась за любые заказы, чтобы прокормить детей.

Рабочий день вдовы начинался затемно и заканчивался далеко за полночь. Она экономила на всем: на еде, на одежде, на отоплении. Но при этом не отказывала детям в главном — в образовании. Она считала, что образование — единственное, что может вывести их из бедности и дать достойную жизнь.

Екатерина Семёновна обладала удивительной способностью — не озлобляться. Несмотря на все удары судьбы, она сохраняла мягкость, доброту и чувство юмора. Дети видели

в ней не только мать, но и пример стойкости. Позже Николай Николаевич напишет, что всем лучшим в себе он обязан матери.

Борьба за дворянство

Для того чтобы дети могли поступить в гимназию, а затем в университет, требовалось подтверждение дворянского сословия. Формально права на потомственное дворянство у семьи были — по чину покойного Николая Ильича. Но документы следовало привести в порядок, а это требовало времени, денег и хождений по инстанциям.

Екатерина Семёновна взялась за это дело с методичностью опытного юриста. Она собирала справки, писала прошения, добивалась аудиенций у чиновников. Это была изнурительная борьба с бюрократической машиной, но вдова выстояла.

В конце концов ей удалось добиться причисления детей к потомственному дворянству Петербургской губернии. Это открыло Николаю и его братьям дорогу к образованию. Стоит задуматься: если бы не материнское упорство, наш герой, возможно, никогда не попал бы ни в гимназию, ни в университет, ни тем более в далекую Новую Гвинею.

Уроки бедности

Жизнь в бедности — тяжелая школа. Николай рано узнал, что такое нужда, что значит экономить каждую копейку, донашивать одежду старших братьев, отказывать себе в самом необходимом. Но он вынес из этой школы не озлобленность,

а сострадание. Он научился понимать тех, кому трудно, кто живет на грани выживания. Этот опыт поможет ему позже, на Новой Гвинее, где люди жили в условиях, которые европейцу могли бы показаться невыносимыми.

Бедность научила его и другому — умению обходиться малым. Когда в 1871 году Миклухо-Маклай высадится на Берегу Маклая, он будет жить в хижине из веток и листьев, питаться тем, что удастся добыть, и считать роскошью кусок мыла. Для человека, выросшего в достатке, такое стало бы испытанием. Для человека, прошедшего школу нужды, — привычным делом.

Наследство родителей

Что же унаследовал Николай Николаевич от отца и матери?

От отца — аналитический склад ума, способность к систематическому труду, инженерную смекалку, которая не раз выручала его в экспедициях. А еще — неприятие несправедливости, убеждение, что человек любого звания заслуживает уважения.

От матери — стойкость перед лицом невзгод, веру в силу образования, умение жить скромно и не терять достоинства. А еще — ту особую душевную чуткость, которая позволила ему находить общий язык с людьми самых разных культур.

Но главное, что дали ему родители, — пример. Пример честной жизни, пример верности принципам, пример любви к ближнему. Этот пример он пронесет через всю свою

жизнь — от студенческих волнений в Петербурге до последних дней в больничной палате.

Впереди у нашего героя была гимназия с ее скучными уроками и строгими надзирателями, университет с его бурлящей общественной жизнью, исключение, эмиграция, первые экспедиции. Но фундамент, заложенный в детстве, останется неизменным. Из маленького мальчика, рано потерявшего отца и выросшего в бедности, вырастет человек, который докажет всему миру: достоинство не зависит от происхождения, а человечность не знает границ.

Глава 3. Нерадивый гимназист

Школьные годы — испытание, через которое проходит почти каждый человек. Для одних это время первых успехов и радостных открытий, для других — долгая череда скучных уроков и несправедливых наказаний. Николай Миклуха принадлежал скорее ко второй категории. Гимназия не стала для него вторым домом, а учителя не заменили рано ушедшего отца. Но именно в этих стенах, как ни странно, начал формироваться характер будущего путешественника — человека, который привык идти своим путем, не оглядываясь на чужие ожидания.

Вторая Петербургская гимназия

После смерти отца семья Миклух перебралась в Петербург. Екатерине Семёновне удалось добиться причисления детей к потомственному дворянству, что открывало им дорогу в казенные учебные заведения. Для Николая выбор пал

на Вторую Петербургскую гимназию — одну из старейших и самых известных в столице.

Гимназия эта была типичным учебным заведением николаевской эпохи. Главными добродетелями здесь считались послушание, усидчивость и зубрежка. Учеников заставляли часами заучивать наизусть латинские тексты, решать однотипные математические задачи, пересказывать параграфы учебников. Творческая мысль не поощрялась, самостоятельность суждений пресекалась. Учителя, в большинстве своем люди равнодушные и утомленные, отбывали свои часы, не особенно заботясь о том, что оставалось в головах воспитанников.

Николай в эту систему не вписывался. Живой, впечатлительный, любознательный мальчик, привыкший к домашней свободе и материнской мягкости, задыхался в атмосфере казенного формализма. Уроки казались ему скучными, требования — бессмысленными, наказания — унижительными.

Пропуски и конфликты

Очень скоро Николай прослыл среди учителей «трудным учеником». Он пропускал занятия — и не потому, что ленился, а потому, что не видел в них пользы. Вместо того чтобы сидеть в душном классе, он уходил гулять по городу, посещал музеи, читал книги из отцовской библиотеки, часами рассматривал географические атласы и мечтал о дальних странах.

Учителя расценивали это как нерадивость и распушен-

ность. Его наказывали, оставляли после уроков, вызывали мать. Екатерина Семёновна, сама бывшая учительницей в домашней школе, понимала сына лучше других, но вынуждена была подчиняться общим правилам. Она уговаривала Николая быть прилежнее, не спорить с наставниками, не навлекать на себя гнев начальства.

Но характер мальчика уже тогда отличался упрямством. Он не умел притворяться и не желал делать вид, что ему интересно то, что наводило тоску. Конфликты с учителями становились все острее. Однажды он едва не был отчислен — спасло лишь заступничество матери, обивавшей пороги начальственных кабинетов.

Что дала гимназия?

Было бы несправедливо утверждать, что гимназические годы прошли для Николая впустую. При всей убогости тогдашней системы образования, Вторая Петербургская гимназия давала своим воспитанникам определенный багаж знаний. Николай неплохо освоил латынь, изучил основы математики, истории, географии. Он свободно читал по-немецки и по-французски — языки, которым его еще дома обучила мать, а в гимназии он лишь отточил эти навыки.

Но главным приобретением гимназических лет стали не знания, а опыт. Опыт противостояния системе, опыт отстаивания собственного достоинства, опыт выживания в среде, которая тебе чужда. Все это очень пригодится Миклухо-Маклаю в будущем, когда ему придется выживать в условиях

куда более суровых, чем петербургский класс.

К тому же именно в гимназические годы у Николая пробудился интерес к естественным наукам. Учитель естествознания, старый чудаковатый немец, единственный из всех педагогов сумел заинтересовать мальчика. Он рассказывал о растениях, животных, минералах так, словно это были герои увлекательного романа. Николай начал собирать гербарии, коллекционировать камни, зачитываться книгами о путешествиях натуралистов.

Мечты о дальних странах

В отцовской библиотеке, чудом сохранившейся после всех переездов, Николай нашел несколько книг, которые определили его судьбу. Это были описания путешествий Джеймса Кука, Александра Гумбольдта, Чарльза Дарвина. Мальчик часами просиживал над пожелтевшими страницами, рассматривал гравюры с изображением тропических островов, экзотических животных, людей с кожей другого цвета.

Особенно поразила его книга о Новой Гвинее — огромном острове к северу от Австралии, который в середине XIX века оставался одним из самых неизученных мест на планете. Европейцы лишь изредка высаживались на его берега, и то ненадолго: слишком опасным казался этот край, населенный, по слухам, свирепыми каннибалами. Николай, тогда еще подросток, дал себе слово, что когда-нибудь побывает на этом загадочном острове.

Кто бы мог подумать, что эта детская мечта осуществится? Что мальчик из бедной петербургской семьи, двоечник и прогульщик, через полтора десятилетия станет первым европейцем, который не просто ступит на берег Новой Гвинеи, но и проживет среди ее обитателей долгие месяцы, завоевав их доверие и навсегда войдя в их легенды?

Отрочество в тени бедности

Гимназические годы были омрачены не только конфликтами с учителями, но и постоянной нуждой. Семья жила на грани выживания: Екатерина Семёновна зарабатывала черчением карт, но этих денег едва хватало на самое необходимое. Николай донашивал одежду старших братьев, ходил в стоптанных сапогах, нередко голодал.

Бедность сделала его уязвимым для насмешек. Одноклассники из более обеспеченных семей дразнили его за поношенный мундир, за отсутствие карманных денег, за мать, которая «работает, как простая». Николай отвечал на насмешки кулаками, что, разумеется, лишь усугубляло его репутацию «трудного ученика».

Но именно бедность научила его не презирать тех, кто живет иначе. Позже, оказавшись среди папуасов, он не станет смотреть на них свысока, как смотрели на «дикарей» колониальные чиновники. Он будет видеть в них людей, заслуживающих уважения, — потому что сам хорошо знал, каково это, когда на тебя смотрят сверху вниз.

Конец гимназической эпохи

Гимназию Николай все-таки окончил — хотя и без блеска. В его аттестате не было выдающихся оценок, а в характеристике, составленной надзирателем, отмечалось: «Ученик Миклуха имеет хорошие способности, но нрав упрямый и к казенной дисциплине не склонен». Эта фраза могла бы стать эпиграфом ко всей его дальнейшей жизни.

Впереди был университет — Петербургский, один из лучших в стране. Екатерина Семёновна мечтала, что сын получит солидную профессию — юриста или чиновника — и выбьется из бедности. Николай же мечтал о другом: о науке, о путешествиях, о дальних странах.

Он поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. Это был компромисс: естественные науки считались занятием более достойным, чем, скажем, литература или искусство, но все же не настолько престижным, как юриспруденция. Мать согласилась, надеясь, что сын со временем остепенится.

Она не знала, что через год ее сына исключат из университета за участие в студенческих волнениях, и на этом его петербургская академическая карьера закончится навсегда. Но это уже тема следующей главы.

А пока — юноша, вчерашний гимназист, стоит на пороге новой жизни. За спиной у него годы скучных уроков и несправедливых наказаний, бедность и унижения, рано умерший отец и вечно усталая мать, книги о дальних странах и детская клятва побывать на Новой Гвинее. Впереди

— университет, а значит, свобода, новые знакомства, новые идеи. И первый в его жизни серьезный конфликт с государством.

Глава 4. Вольнодумец поневоле

1863 год стал переломным для целого поколения русской молодежи. В воздухе висело напряжение: страна еще не оправилась от отмены крепостного права, в Царстве Польском разгоралось восстание, в университетских коридорах звучали запрещенные речи. Именно в этот бурлящий котел попал семнадцатилетний Николай Миклуха, поступив на физико-математический факультет Петербургского университета.

Для юноши, вырвавшегося из-под гимназической опеки, университет стал глотком свободы. Здесь не было надзирателей, следящих за каждым шагом, не было обязательной зубрежки, не было унижительных наказаний. Здесь были профессора, читавшие лекции о последних достижениях науки, и студенты, спорившие до хрипоты о политике, философии, будущем России.

Николай с жадностью окунулся в эту новую жизнь. Он посещал лекции по естествознанию, анатомии, химии, записывался в студенческие кружки, участвовал в диспутах. Впервые за долгие годы он почувствовал себя в своей среде — среди людей, которых, как и его, волновали не чины и карьера, а истина и справедливость.

Время больших надежд и больших разочарований

Начало 1860-х годов было временем больших надежд. Отмена крепостного права в 1861 году воспринималась молодежью как начало великих преобразований. Казалось, еще немного — и Россия станет свободной, просвещенной, справедливой страной. Студенты читали Герцена и Чернышевского, спорили о конституции, о правах личности, о народном благе.

Но реальность оказалась суровее мечтаний. Реформы Александра II продвигались медленно и половинчато. Цензура ужесточалась, инакомыслие преследовалось. В университетах вводились новые ограничения: плата за обучение выросла, студенческие организации были запрещены, надзор за учащимися усилен.

Особенно острым был польский вопрос. В январе 1863 года в Царстве Польском вспыхнуло восстание против российского владычества. Значительная часть русской молодежи сочувствовала восставшим, видя в них борцов за свободу. Правительство отвечало репрессиями, и студенческие кружки становились местом, где открыто обсуждали недопустимость подавления восстания.

Студенческие волнения

Петербургский университет осенью 1863 года напоминал пороховую бочку. Студенты проводили сходки, собирали подписи под петициями, требовали отмены новых ограничений. Администрация отвечала угрозами и отчислениями. Назревал взрыв.

Николай Миклуха не был лидером студенческого движения. Он не произносил зажигательных речей, не писал прокламаций, не состоял в тайных обществах. Но он был честным и прямым человеком, который не умел молчать, когда на его глазах творилась несправедливость. Он посещал сходки, подписывал петиции, вступал в споры с теми, кто призывал к смирению.

В феврале 1864 года волнения достигли пика. Студенты устроили демонстрацию в поддержку польских повстанцев. Власти ответили жестко: зачинщиков арестовали, многих отчислили. Среди тех, кто попал под репрессии, оказался и Николай Миклуха.

Исключение

Официальная формулировка была сухой и беспощадной: «За участие в студенческих беспорядках и нарушение университетского устава». К этому добавлялось самое страшное — «без права восстановления в российских университетах».

Для юноши, мечтавшего о научной карьере, это был удар сокрушительной силы. Дорога к образованию в России закрывалась навсегда. Никакие прошения, никакие заступничества не могли изменить решения властей. Мать, узнав о случившемся, слегла от горя: все ее надежды на то, что сын получит диплом и выбьется в люди, рухнули в один миг.

Сам Николай переживал случившееся тяжело, но внешне держался спокойно. Он понимал, что не мог поступить иначе. Поддержать польских студентов, выступавших за свобо-

ду, было для него не политическим жестом, а нравственным долгом. Позже он напишет в одном из писем: «Меня исключили за то, что я не захотел быть подлецом».

Развилка

Итак, семнадцатилетний юноша оказался перед выбором. Пути в российские университеты закрыты. Оставаться в Петербурге — значит прозябать без дела, быть под надзором полиции, видеть, как рушатся мечты. Но был и другой путь — уехать за границу и продолжить образование там.

Европейские университеты — в Германии, Швейцарии, Франции — принимали российских студентов без особых препятствий. Более того, уровень преподавания естественных наук там был выше, чем в России. Для человека, мечтавшего о карьере натуралиста, Германия была идеальным выбором.

Но для поездки нужны были деньги, которых у семьи не было. Екатерина Семёновна, оправившись от первого потрясения, сделала то, что делала всегда, — нашла выход. Она продала последние ценные вещи, заняла денег у родственников, собрала сыну минимальную сумму на первое время. Это было жертвой, о которой Николай будет помнить всю жизнь.

Отъезд

Весной 1864 года Николай Миклуха сел на пароход, отправлявшийся в немецкий порт Штеттин. Ему было восемнадцать лет. В кармане лежал паспорт, выданный с трудом, несколько рекомендательных писем и немного денег. Впере-

ди была неизвестность.

Именно в этот момент, оформляя документы для заграничной поездки, он впервые подписался новой фамилией — «фон Маклай». Возможно, он хотел порвать с прошлым, начать жизнь с чистого листа. Возможно, рассчитывал, что иностранная фамилия откроет больше дверей в европейском обществе. А возможно, просто отдал дань семейной легенде о шотландском предке.

Как бы то ни было, с этого момента Николай Миклуха исчезает из документов. Вместо него появляется Николас фон Маклай — молодой человек с неопределенным статусом, блестящими способностями и твердым намерением стать ученым.

Уроки изгнания

Изгнание из России стало для Миклухо-Маклая тяжелым, но полезным уроком. Он рано понял, что государство может быть несправедливым, что честность не всегда вознаграждается, что путь к цели не бывает прямым. Но он вынес из этого опыта и нечто большее — понимание ценности свободы.

Свобода — вот что станет главной ценностью его жизни. Свобода мыслить, свобода искать, свобода идти туда, куда зовет сердце. Ради этой свободы он готов был терпеть лишения, рисковать жизнью, жить вдали от родины. И именно эту свободу он будет отстаивать всю свою жизнь — не только для себя, но и для тех, кого мир считал низшими существами.

Впереди были немецкие университеты, встречи с велики-

ми учеными, первые экспедиции. Впереди была Новая Гвинея — заветная цель, о которой он мечтал с детства. Но путь к ней лежал через годы учебы, через сомнения и разочарования, через медленное, кропотливое восхождение к вершинам науки.

А пока — молодой человек с необычной фамилией стоит на палубе парохода и смотрит на удаляющийся берег. Он не знает, что ждет его впереди. Не знает, что через несколько лет его имя станет известно всему миру. Не знает, что ему предстоит пережить то, что не выпадало на долю ни одному европейцу до него. Он знает только одно: назад дороги нет.

Глава 5. Немецкие университеты

Осенью 1864 года восемнадцатилетний Николай Миклуха, теперь уже именовавший себя Николаем фон Маклаем, ступил на германскую землю. Впереди были годы учения — может быть, самые важные годы в его жизни. Именно здесь, в немецких университетских городах, из исключенного студента-вольнодумца должен был вырасти серьезный ученый-натуралист.

Гейдельберг: первый приют

Первым немецким городом, принявшим молодого изгнанника, стал Гейдельберг — древний университетский центр на берегу Неккара. Гейдельбергский университет, основанный еще в XIV веке, пользовался славой одного из самых свободных и космополитичных учебных заведений Европы. Сюда съезжались студенты со всего мира — из России,

Польши, Англии, Америки. Русская колония была особенно многочисленной: здесь учились будущие врачи, юристы, естествоиспытатели, многие из которых позже станут гордостью российской науки.

Николай записался на лекции по естественным наукам. Он изучал ботанику, зоологию, сравнительную анатомию, химию. Деньги, собранные матерью, таяли быстро, и вскоре ему пришлось жить впроголодь. Он снимал крошечную комнату на окраине города, питался хлебом и дешевым супом, донашивал петербургскую одежду. Но все это казалось мелочью по сравнению с тем счастьем, которое давала ему наука.

В Гейдельберге Николай впервые почувствовал вкус настоящей академической свободы. Здесь не было казенной дисциплины, никто не следил за поведением студентов, профессора общались с учениками на равных. Он мог выбирать лекции по своему усмотрению, работать в лабораториях, посещать библиотеки. И впервые за долгие годы он учился с удовольствием.

Лейпциг и Йена: поиск призвания

Из Гейдельберга Николай перебрался в Лейпциг, а затем в Йену. Этот академический маршрут не был случаен: молодой человек искал свой путь в науке, пробовал разные направления, прислушивался к разным учителям.

В Лейпцигском университете он углубился в изучение медицины. Анатомия, физиология, патология — эти дисциплины казались ему ключом к пониманию человека. Он ча-

сами просиживал в анатомическом театре, изучая строение человеческого тела, поражаясь сложности и совершенству природы. Но постепенно он понял, что чистая медицина его не увлекает. Его интересовал не столько больной человек, сколько человек вообще — его место в природе, его происхождение, его разнообразие.

Ответы на эти вопросы могла дать сравнительная анатомия и зоология. И судьба привела Николая в Йенский университет, где преподавал Эрнст Геккель — один из самых ярких и смелых естествоиспытателей своего времени.

Эрнст Геккель: учитель и друг

Эрнст Геккель был фигурой выдающейся. Молодой, энергичный, страстно увлеченный своей наукой, он собирал полные аудитории. Его лекции по зоологии и эволюционной теории производили на студентов ошеломляющее впечатление. Геккель был горячим сторонником учения Чарльза Дарвина — теории, которая в те годы вызывала ожесточенные споры во всем мире.

Для Николая Маклая встреча с Геккелем стала судьбоносной. Учитель разглядел в застенчивом русском студенте недюжинные способности и взял его под свое покровительство. Он пригласил Николая работать в своей лаборатории, поручал ему все более ответственные задания, брал с собой в научные поездки.

Между учителем и учеником сложились отношения, выходявшие за рамки обычного академического общения. Гек-

кель видел в Маклае не просто талантливое студента, но будущего коллегу, способного продолжить его дело. Николай же обрел в Геккеле то, чего ему не хватало после смерти отца, — старшего наставника, пример для подражания, человека, который верил в него.

Впоследствии их пути разойдутся: Геккель будет все больше склоняться к теоретическим обобщениям, порой сомнительным с научной точки зрения, а Маклай — к кропотливой полевой работе, к эмпирическому изучению природы и человека. Но благодарность к учителю Николай Николаевич сохранит на всю жизнь.

Становление исследователя

Годы учения в Германии сделали из вчерашнего гимназиста-вольнодумца настоящего ученого. Маклай освоил методы сравнительной анатомии, научился работать с микроскопом, препарировать животных, вести научные дневники. Он публиковал первые статьи в немецких научных журналах, участвовал в заседаниях научных обществ.

Особенно увлекала его проблема изменчивости живых организмов. Дарвиновская теория эволюции, с которой познакомил его Геккель, открывала новые горизонты. Если все живые существа произошли от общих предков, если виды изменяются под влиянием среды, то где в этой картине место человеку? Каково происхождение человеческих рас? Почему люди, живущие в разных частях планеты, так отличаются друг от друга — цветом кожи, чертами лица, обычаями?

Эти вопросы все сильнее захватывали молодого ученого. Он понимал, что ответы на них нельзя найти в лаборатории или в музейных коллекциях. Нужно ехать туда, где живут люди, не затронутые европейской цивилизацией, — в Африку, в Южную Америку, на острова Тихого океана. Нужно изучать их не по книгам, а вживую, изо дня в день наблюдая их быт, язык, обычаи.

Но до главной экспедиции было еще далеко. Сначала предстояло проверить себя в более близких путешествиях, набраться опыта полевой работы, доказать — себе и другим, — что он способен на большее, чем кабинетные штудии.

Новая фамилия — новая судьба

Именно в германские годы окончательно утвердилось новая фамилия нашего героя. В Гейдельбергском университете он впервые официально записался как «N. von Maclay». Приставка «фон», указывавшая на дворянское происхождение, была, строго говоря, самочинством: никаких прав на немецкое баронство у семьи Миклух не было. Но молодой человек, по-видимому, не придавал этому большого значения.

Для него новая фамилия была символом нового начала. Она позволяла отстраниться от прошлого — от исключения из университета, от бедности, от унижений. Она создавала образ, который открывал двери в европейском научном сообществе. А кроме того, в ней звучала память о семейной легенде — о шотландском предке, чья кровь, возможно, текла в его жилах.

Пройдут годы, и он соединит обе фамилии — старую и новую — в одну, двойную. «Миклухо-Маклай» — так он подпишет свои главные труды, и под этим именем войдет в историю. Пока же, в середине 1860-х годов, он был просто Николаем Маклаем, студентом, мечтающим о дальних странствиях.

Разлука с родиной

Жизнь в Германии не была легкой. Маклай тосковал по семье, по матери, по братьям. Письма в Петербург шли долго, ответы — еще дольше. Денег не хватало, приходилось постоянно экономить. Временами накатывало отчаяние: стоило ли уезжать? Не лучше ли было смириться, остаться в России, найти службу?

Но он гнал эти мысли прочь. Возвращение означало бы поражение, а он не привык проигрывать. К тому же впереди забрезжила надежда: Геккель предложил ему принять участие в научной экспедиции. И не куда-нибудь, а на Канарские острова — в Атлантику, к берегам Африки.

Для молодого натуралиста это был шанс, который нельзя было упускать. Первая настоящая экспедиция, первая полевая работа, первая возможность применить на практике все, чему он научился. Маклай согласился без колебаний.

Впереди были Канарские острова, Марокко, Красное море — первые шаги на пути, который приведет его на Новую Гвинею. Пока же он был просто студентом, собирающим чемодан для первого в своей жизни большого путешествия.

Глава 6. Первая кровь науки: Канары и Марокко

Научная карьера, как и любая другая, начинается с малого. Прежде чем стать исследователем Новой Гвинеи, Миклухо-Маклаю предстояло пройти суровую школу полевой работы. И первой ступенью этой школы стали Канарские острова — затерянный в Атлантическом океане архипелаг, куда в 1866 году его пригласил Эрнст Геккель.

На пороге большого мира

Экспедиция Геккеля на Канарские острова была задумана как чисто научное предприятие. Молодой профессор Йенского университета, увлеченный дарвиновской теорией эволюции, хотел изучить морскую фауну Атлантики, собрать коллекции беспозвоночных животных и проверить некоторые теоретические предположения. Для Маклая участие в этой поездке было не только возможностью набраться опыта, но и испытанием — проверкой на прочность, на способность переносить трудности экспедиционной жизни.

Путешествие началось осенью 1866 года. Дорога из Йены до Канарских островов сама по себе была приключением: поезда, дилижансы, пароходы, таможни, ночевки в дешевых гостиницах. Маклай вел путевой дневник, в который записывал все, что видел: города, лица, природу. Эти записи — первые страницы огромного литературного наследия, которое он оставит потомкам.

Лансароте: остров вулканов

Местом работы экспедиция выбрала остров Лансароте —

самый восточный из Канарского архипелага. Это был суровый край: черные вулканические поля, выжженные солнцем равнины, редкие оазисы зелени. Местное население — потомки испанских колонистов и коренных жителей, гуанчей, — жило бедно, занимаясь рыболовством и скудным земледелием.

Для молодого натуралиста Лансароте стал настоящей лабораторией под открытым небом. Вместе с Геккелем и другими участниками экспедиции Маклай собирал морских животных на литорали — прибрежной полосе, обнажающейся во время отлива. Губки, медузы, ракообразные, моллюски — все это тщательно препарировалось, описывалось, зарисовывалось.

Особенно интересовали Маклая известковые губки — примитивные многоклеточные организмы, строение которых было тогда еще слабо изучено. Он часами просиживал над микроскопом, изучая мельчайшие детали анатомии этих существ. Итогом этой работы стало открытие нового вида губок, который он описал в своей первой самостоятельной научной статье.

Научная инициация

Первая научная публикация — событие в жизни любого ученого. Для двадцатилетнего Маклая она имела особое значение: это было доказательство, что он способен на оригинальное исследование, что его не зря считают подающим надежды учеником Геккеля. Статья вышла в немецком науч-

ном журнале и была благожелательно встречена специалистами.

Но не только научными успехами запомнилась Канарская экспедиция. Она стала для Маклая школой выживания в непривычных условиях. Ему приходилось работать под палящим солнцем, ночевать в палатке, питаться скудной пищей, терпеть укусы насекомых, мириться с отсутствием самых элементарных удобств. Все это закалило его характер и подготовило к будущим испытаниям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.